

Е.С. Норкина

**САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В РОССИЙСКИХ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ
ДОКУМЕНТАХ XIX — НАЧАЛА XX в.**

В нашем исследовании впервые предпринимается попытка изучения саморепрезентации горских евреев Северного Кавказа, отраженной в российской массовой (делопроизводственной) документации, составителями / инициаторами которой были горские евреи. Диалог имперской власти и горских евреев, возникший в результате их встречи в первой половине XIX в., является платформой нашего исследования.

Анализируемые документы можно условно разделить на две группы. К первой относятся индивидуальные или коллективные прошения горских евреев, появившиеся в ответ на распоряжения властей или в результате спорных ситуаций, решить которые было возможно только с участием представителей власти. Ко второй группе относятся прошения, вызванные необходимостью подчинения правилам бюрократического / формального документооборота, принятым в Российской империи (приговоры общего схода, подписки).

Существует предположение, что горские евреи были наименованы так чиновниками по аналогии с горскими греками и армянами, чтобы отличить их от «европейских» и «крымских» евреев и указать на принадлежность к горским обществам [Колесов, Сень 2009: 402]. Подобное наименование появилось в период Кавказской войны и постепенно укреплялось в российском имперском дискурсе.

Наиболее раннее известное нам коллективное прошение горских евреев Северного Кавказа во власть относится к 1829 г., в котором они ходатайствуют о разрешении остаться в Андреевской деревне вопреки приказу об их переселении. Прошение составлено от имени «андреевских евреев» [История 1999: 31–32].

В прошении, датированном 1853 г. и связанном также с разрешением поселения на определенной территории, используются географические маркеры для обозначения своей группы: «грозненские евреи» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 15. Д. 852. Л. 4].

В 1857 г. началась переписка между военными властями Кавказа по вопросу переселения еврейской слободки за Терек. Этот вопрос возник в связи с желанием власти освободить территорию для других групп населения. Давая горским евреям негативную характеристику, власти настаивали на их переселении. В 1857 г. в прошении на имя Командующего войсками Левого крыла Кавказской линии Н.И. Евдокимова, отстаивая право пребывания у крепости Грозной и отвечая на вопрос о времени и причинах появления еврейского населения на этой территории, горские евреи писали: «Мы не желаем иметь жительство союзное с покорными чеченцами, потому что предки наши не были выходцы из гор, а начало происхождения нашего при первом еще разорении Иерусалима, выходили оттуда и поселялись: в Персии, Дагестане и на здешней линии». Они подробно изложили историю своего появления на этой территории, гонений на них со стороны «неприятеля» во время Кавказской войны, ограблений их кумыками и высказали нежелание иметь какое-либо соседство с татарами, которые, по их мнению, враждебны к ним [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 15. Д. 153. Л. 11 — 11 об].

В 1867 г. возникла спорная ситуация, связанная с ошибочным взиманием податей с горских евреев, проживавших на территории казачьего войска станицы Усть-Джегутинской. Управление горских народов, вероятно, некорректно приписало горских евреев в ведение Эльбрусского окружного управления и стало требовать сбор податей, тогда как землей этого округа они не пользовались и, следовательно, не должны были платить дополнительные налоги. Старшина горско-еврейского общества Садык Эльдаров направил от имени общества прошение Кавказскому наместнику великому князю Михаилу Николаевичу, в котором писал: «Будучи людьми еврейского племени, никогда к составу горских обществ не принадлежали, а только среди них проживали» [ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 2. Л. 52]. Он просил пересмотреть решение о податях.

В 1860–1880-е годы были изданы распоряжения, которые давали некоторые преимущества горским евреям перед европейскими. Однако эти привилегии не были оговорены в имперском законодательстве о евреях, что вызывало коллизии на местах в процессе правоприменения. Поэтому в начале 1880-х годов горские евреи обратились к главноначальствующему гражданской частью на Кавказе А.М. Дондукову-Корсакову с просьбой посодействовать в решении вопроса о закреплении их статуса законодательно и в окончательном уравнивании их статуса со статусом местного русского населения [РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 2611. Л. 4]. В прошении горские евреи пытались сделать акцент на своем отличии от европейских евреев. Они подчеркивали, что их предки поселились на Кавказе в весьма отдаленное время, что при покорении Кавказа они оказали важные услуги русскому правительству, что они занимаются сельским хозяйством и не имеют ничего общего, кроме религии, с главной массой еврейского населения России. При этом «согласно распоряжениям Кавказского начальства всегда пользовались одинаковыми правами с местными жителями других вероисповеданий».

К прошению горские евреи приложили документы, свидетельствующие о том, что правительство предпринимало ряд мер, расширяющих возможности горских евреев Кавказа и доказывающих, что в правовом отношении власть не отличала их от горцев [РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 2611. Л. 5].

В определенные моменты горским евреям приходилось довольно подробно излагать властям, в чем состоят отличия между ними и европейскими евреями. Это произошло, например, в 1886 г., после того как Терское областное правление 19 октября 1885 г. из-за отсутствия казенных еврейских раввинов в области приписало горских евреев к Владикавказскому раввину европейских евреев. Доверенные от горских евреев подробно описали отличия в догматах и обрядах горских и европейских евреев. Горские евреи подчеркивали, что во всех поселениях Кавказского и Закавказского края, где проживали горские и европейские евреи, у них никогда не было общей синагоги или молитвенной школы. Их раввины и ученые обучались правилам и обрядам

религии до присоединения Кавказа к России у дербентских раввинов. Различия в основных догматах и обрядах религии не давали права горским евреям посылать своих детей для обучения в те раввинские училища, где учились дети европейских евреев [История... 1999: 120–123]. На основании этого они ходатайствовали о нераспространении на горских евреев распоряжения областного правления по подчинению горских евреев по делам веры Владикавказскому раввину.

1880–1890-е годы были ознаменованы ужесточением политики по отношению к еврейскому населению. Это не миновало и Северный Кавказ. 18 июня 1892 г. был издан ограничительный закон, который «закрыв» Кубанскую и Терскую области для вновь прибывающего еврейского населения и прикрепил к местам приписки евреев этих областей. Издавая этот закон, чиновники не обратили должного внимания на особую группу населения, проживавшую в этих областях, — горских евреев. В законе не оговаривалось их положение, и он стал применяться и к ним. Это выразилось в выселении горских евреев к местам их приписки. После того как горские евреи узнали об издании ограничительного закона 1892 г., они начали направлять прошения на имя главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и военного министра о том, чтобы этот закон не применялся к ним. Стремясь противопоставить себя евреям европейским, доказать свое от них отличие, они в прошениях стремились подчеркнуть словосочетание «горский еврей».

«Закон применяется и к нам, коренным жителям Кавказа, горским евреям, имеющими весьма мало общего с евреями внутренних губерний России», — такими словами начинались прошения горских евреев в 1905 г. [РГВИА. Ф. 330. Оп. 49. Д. 1845. Л. 2 об. — 3]. «Горские евреи всегда были чужды расовой обособленности и никогда не оказывали влияния на распространение секты. Они первые стали на сторону России, ожидая, что с завоеванием Кавказа они получат от нее твердые права гражданственности и избегут тех утеснений, которым они подвергались часто со стороны дикого горского населения Кавказа, среди которых разбой считался доблестью. Они называли себя “верными сынами своего нового отечества — России — и верноподдан-

ными обожаемого Монарха”, мирными тружениками, которым чужды всякие националистические, религиозные, политические идеи. Они подчеркивали, что, в отличие от своих европейских собратьев, они никогда не содержали кабаков, а торговля не была их главным занятием» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 49. Д. 1845. Л. 4–4 об.].

Такая коллективная самоидентификация в качестве «горских евреев» утверждалась все больше в начале XX в. Это отчетливо прослеживается в коллективных прошениях на имя начальников казачьих областей Северного Кавказа или Кавказского наместника с просьбой сделать временное исключение из закона для них как особой группы, отличной от их европейских единоверцев [История... 1999: 245–246].

Документы условно выделенной нами второй группы демонстрируют, что отсутствует какая-либо закономерность самоидентификации горских евреев. В одних случаях приговор общего схода оформлялся от имени «горских евреев», в других — «от жителей еврейского поселка». В одних случаях прошение о разрешении открыть учебные заведения в 1910-х годах было подписано «горскими евреями», в других — «жителями еврейской колонии» [История... 1999: 251, 259] До второй половины XIX в. самоидентификация в качестве «горских евреев» не встречается.

Таким образом, словосочетание «горские евреи» в их риторике появляется после того, как это словосочетание закрепляется в лексиконе российских чиновников. Если в ранних известных нам прошениях горские евреи старались подчеркнуть свое отличие от горских обществ, непринадлежность к ним, то с 1880-х и до начала XX в. они стараются подчеркнуть свой особый статус «горских евреев». Это было вызвано актуальностью правового положения горских евреев. Ужесточение политики по отношению к евреям вызывало у бюрократов вопрос о том, как поступать с горскими евреями. Это порождало долгую переписку и диалог власти и горских евреев. В случае критических ситуаций, выселений по приказу власти, актуализировалась их самоидентификация в качестве горских евреев с целью противопоставления себя европейским единоверцам.

Библиография

- Альтшулер М.* Евреи Восточного Кавказа. Иерусалим, 1990. (иврит)
Горские евреи: История, этнография, культура / Сост. и науч. ред. В. Дымшица; Пер. с иврита Ю. Мурадова. Иерусалим; М., 1999.
Давид И. История евреев на Кавказе. Тель-Авив, 1990. Т. I–II.
История горских евреев Северного Кавказа в документах (1829–1917). Нальчик, 1999.
Колесов В., Сень Д. Выборы, элиты, идентичность (случай горских евреев Кубанской области) // Материалы Шестнадцатой ежегодной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2009.
Goluboff S. Are they Jews or Asians? A Cautionary Tale about Mountain Jewish Ethnography // *Slavic Review*. 2004. Vol. 63. No. 1.

Д.Н. Прасолов

ВОЕННАЯ КУЛЬТУРА КАБАРДИНЦЕВ ПОСЛЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

История адыгов представляет собой хронику непрерывной борьбы за выживание и сохранение независимости. Состояние перманентной войны являлось тем неизменным антуражем, на фоне которого протекала история адыгов. Боевые действия против внешних врагов или внутренние междоусобицы удельных владельцев были повседневной реальностью, обыденным явлением. Следствием подобной ситуации стала крайняя военизация адыгской культуры, затронувшая все стороны общественного быта и наложившая неизгладимый отпечаток на общественное сознание. Статус воина был чрезвычайно высок, а военное дело относилось к числу высоко престижных занятий. Особое место в этом милитаризованном социуме занимала военная культура, включавшая в себя комплекс представлений о войне и различные аспекты военного искусства. Наивысшего расцвета и образцового значения военная культура на Северо-Западном и Центральном Кавказе достигла в традиционном кабардинском обществе.